

# Ф О Л Ь К Л О Р И С Т И К А

УДК 398.8 (=511.131)

**И. В. Пчеловодова**

## **ОБРАЗ ДОМА**

### **В УДМУРТСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ\***



В статье рассматривается семантика дома и его «ока» во внешний мир – окна. На их примере выявляется характерная для традиционной культуры оппозиция «свое» – «чужое». Дом, входя в систему окультуренного пространства, связан с эмоциональной стабильностью человека. Покидая его, человек лишается защиты, теряет чувство укорененности, что приравнивается к своеобразной смерти. В связи с этим в текстах лирических необрядовых песен родной дом становится не только эквивалентом красоты, но и выражением психологической устойчивости.

Окно – образ, с помощью которого появляется возможность раскрыть внутренние переживания лирического героя (на стыке «видимого внешнего» и «невидимого внутреннего»). Особенно ярко это раскрывается в виде устойчивого формульного выражения *укно улын / укно дурын* 'под окном / у окна'.

*Ключевые слова:* удмуртский фольклор, необрядовая песенная лирика, предметный мир, традиционные формулы, ассоциативная связь, символика дома и окна.

В традиционной культуре дом – это важная составляющая материальной культуры. Представляя систему повседневного существования, дом играет «немаловажную роль в приобщении индивида к нормам и реалиям культуры и общества» [Волкова 2012, 40]. Он является не просто укрытием и защитой от природных стихий (дождя, солнца, ветра, снега и т. д.), но «<...> представлялся замкнутым пространством, защищенным от проникновения враждебных сил» [Лавонен 1984, 171]. В мифологическом представлении многих народов дом, наряду с образом мирового дерева, олицетворял троичную систему мира, где крыша относилась к Верхнему миру, жилая часть – к миру людей, погреб считался принадлежностью нижнего мира [Байбурин 1983; Гемуев 1990, 10–29; Голева 2011, 27–32]. В удмуртской традиционной культуре дом и очаг также считались

---

\* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Предметные реалии удмуртской этнокультуры» (№ 16-34-00026).



«концентрированным выражением очеловеченного пространства, обладавшего наибольшей сакральной значимостью...» [Владыкин 1994, 218].

Мы задались целью проанализировать семантику дома и его конструктивных деталей в текстах удмуртских лирических необрядовых песен. В качестве примеров используем традиционный песенный репертуар Киясовского р-на Удмуртской Республики.

В песнях сосредоточено восприятие дома в качестве важной составляющей в жизни человека: стабильность системы жилья соотносится с эмоциональной стабильностью и в целом создает ощущение защищенности, устойчивости, укорененности. Наиболее существенной стороной в этом вопросе оказывается присущая традиционному сознанию оппозиция «свой» – «чужой», когда дом выступает в качестве «своего», «родного» пространства, а всё, что за его пределами, – «чужого», «враждебного» по отношению к человеку: «Жилище человека – его дом – считалось практически единственным местом, где он чувствовал себя в безопасности» [Владыкина 1997, 247]. Особенно ярко эта оппозиция прослеживается в обрядовых проводных песнях невесты, рекрута, в которых уход из родительского дома олицетворял незащищенность от внешних житейских невзгод, приравнялся к своеобразной смерти:

*«Ой-ой-ой» но бон шуылоз ук ти нуныосыд,  
Атыкай но бон юртысьтыз ук потыса но кошкыкуз.*

*«Ой-ой-ой», да, вздохнут ведь сыновья,  
Из отцовского, ой, дома уходя.*

[Бойкова, Владыкина 1992, 164]

Отсюда желание уходящего любыми способами остаться в родительском доме:

*Атай юртысь, ой, потыку, питрес зарни, ой, луысал,  
Питрес зарни луысал ке, питыраса кыльысал.*

*Из родного дома, ой, когда выхожу, круглым золотым бы, ой, стать,  
Если бы круглым золотым был, закатился бы и остался.*

[Вершинина, Владыкина 2014, 230]

В лирических песнях эта традиция продолжена на более эмоциональном уровне. Дом представлен не в отдельности, а в единении с окружающим его природным ландшафтом. Эта целостность создает понятие «родного места», усиленная в тексте притяжательными суффиксами в первом лице: представлен не дом вообще, а *коркае* «мой дом», не река вообще, а *шуре* «моя река» и др.:

*Вуэ матын, корке шулдыр,  
Дорам бертэме потэ.*

*Река моя близко, дом мой красив,  
В родные мои места вернуться хочется.*

д. Дубровский



Часто «красота» дома обозначает полноту семьи как главной ценности в удмуртском социуме. Отсутствие детей, родителей или одного из супругов ассоциируется с сиротской долей:

*Воргоронэ кошкыліз но,  
Быриз юртлэн шулдырез.*

Мой муж ушел [далеко] да,  
Пропала красота дома.  
д. Старая Салья

Не только отдельный образ помогает раскрыть внутренние переживания лирического героя. Существенными композиционными элементами отражения психологического состояния являются устойчивые формульные выражения (от одного ключевого слова до целой группы стихов), обозначаемые как «традиционные формулы». Именно они, согласно исследованиям последних десятилетий, являются базовыми составляющими формы и содержания традиционной лирики [Мальцев 1989, 54]. Рассмотрим некоторые из них.

В одной из песен представлена формула: *гурезь йылын коркаосты* 'дом ваш на горе'. Особенностью дома в данном примере является яркое освещение (*Ялтра вълэм\* тълъёсты* 'Переливаются огни в нем'). Эмоциональная окрашенность этого образа связана с представлениями о недоступности (дом на горе) и необычности (яркое освещение в нем). Отсюда ассоциативная связь с недоступностью любимой / любимого:

*Гурезь йылын коркаосты,  
Ялтра вълэм тълъёсты.  
Укно ултїд кема ветлї,  
Секїт вълэм умъёсїд.*

На горе ваш дом,  
Переливаются огни в нем.  
Под окнами твоими долго бродил(а),  
Крепко, оказывается, ты спишь.  
д. Старая Салья

Наиболее распространена и устойчива в удмуртской лирике формула *укно улын / укно дурын* 'под окном / у окна'. Окно, как конструктивная деталь, представляет важную часть дома, обеспечивая связь с внешним миром. Формула *укно улын / укно дурын*, на первый взгляд, схематичная и бедная, отражает сложные чувства человека по контрасту с происходящим по ту сторону окна. Посредством этого образа очерчивается доступность пространства в пределах «видимого родного» (у моего окна, под моим окном), что создает определенную психологическую стабильность, отсутствие которой связывается с душевным дискомфортом:

\* В текстах некоторых песен фонема *ы* при акустико-артикуляторном варианте произношения имеет градиацию *й* – гласный средне-заднего ряда верхне-среднего подъема.



*Укно улам шуур ке лусал,  
Потса дэрэмме миськысал.  
Музьем ултй сюрес ке лусал,  
Туж мбзмыйкым мыйнйсал.*

Если бы была под моим окном река,  
Вышла и постирала бы свое платье.  
Если бы была под землей дорога,  
От сильной тоски пошла бы [повидаться].  
д. Кады-Салья

В приведенном примере мы видим также образ реки. Удмурты полагали, что река может унести горе, болезни, несчастье, тоску [Владыкин 1994, 76]. В тексте песни ситуацию очищения платья можно интерпретировать как возможность избавиться от тяжелого душевного состояния девушки – состояния тоски.

Событийный ряд внешнего мира своеобразно перекликается с внутренним состоянием человека. Объемно и наглядно это раскрывается на сопоставлении «внешнего видимого» и «внутреннего невидимого». Насколько сад, расположенный рядом, под окном, можно увидеть, ощутить его запахи, попробовать плоды, настолько невозможно увидеть и прочувствовать глубину внутреннего мира:

*Укно улад ма(й)ид вань но,  
Вань-а мертэм сэддэсьд?  
Тынад сюлмад ма(й)ид вань но,  
Вань-а верано кыльд?*

Под окном у тебя что есть да,  
Есть ли посаженные цветы?  
В твоём сердце что же есть да,  
Есть ли невысказанные слова?  
д. Дубровский

*Укно улам съдд сутэре,  
Їок, уг си(й)ь – котъ тэр.  
Веран кэль туж уно но,  
Їок, уг вера – коты ёсож.*

Под моим окном черная смородина,  
Нет, не стану есть – сыта.  
Невысказанных слов много да,  
Нет, не выскажу – сердцу горестно.  
д. Кады-Салья

Нередко под окном поет соловей, образ которого в зависимости от контекста получает неоднозначную трактовку [Максимов 2016]. В первом случае пение соловья можно трактовать как символ счастливой полноты жизни в пределах



родного пространства, в отличие от несчастливой судьбы человека вдали от дома:

*Укно дурьин кык лемпусад,  
Отын чырдез учыпи.  
Отын чырдез учыпи.*

*Солэн чырдем куараёсыз  
Вало кузя шуккиське.  
Вало кузя шуккиське.*

<...>

*Ветли-калги дунне вьлтй,  
Улон шудме уччася.  
Улон шудме уччася.*

*Улон шудме мон ой шодьты,  
Бордса ветлыны кыли.  
Бордса ветлыны кыли.*

Под окном две черемухи,  
Там поют соловушки (букв. 'птенцы соловья').  
Там поют соловушки.

Эхо их трелей  
Вдоль [реки] Вало разносится.  
Вдоль [реки] Вало разносится.

<...>

Ходила-бродила повсюду (букв. 'по миру'),  
Жизни своей счастье искала.  
Жизни своей счастье искала.

Счастье своей жизни не нашла,  
Плакать мне в жизни суждено [оказывается].  
Плакать мне в жизни суждено [оказывается].

д. Дубровский

Во втором примере образ соловья, поющего под окном, перекликается с образом любимого человека:

*Укно улам учы чырдез,  
Оло, потса кутом-а?*

*Мылы-кыды весь тон вылын,  
Оло, туган кутом-а?*



Под окном соловей поет,  
Выйти и поймать что ли?

Мои мысли все о тебе,  
Взять и полюбить тебя что ли?  
д. Карамас-Пельга

Тему любовных переживаний девушки, ее чаяний и надежд на будущее продолжает образ открытого окна:

*Укноостэ усьтылыса,  
Киньлы дйсьян вандйськод?  
Сьёд йырсиэд сынаса-вёяса,  
Киньлы шуса будэтйськод?*

Открыв свои окна,  
Для кого одежду кроишь?  
Черные волосы, расчесывая-умасливая,  
Для кого растишь?

д. Нижняя Малая Салья

С быстротечностью жизни = молодости ассоциируется образ присевшего на оконную раму и улетевшего голубя:

*Укно пуад дыдык пуксиз,  
Кошкиз, кошкиз – аэид-а?  
Сьёд йьрсиед пурись луиз,  
Шодйид-а даур орччемдэ?*

На оконную раму голубь сел,  
Улетел, улетел – увидел ли?  
Черные твои волосы седыми стали,  
Молодость [твоя] прошла – понял ли?

д. Дубровский

Таким образом, лирическую песню можно рассматривать как актуализацию традиции [Мальцев 1989, 69], направленную на передачу личных эмоций каждого исполнителя. Проводником выражаемых мыслей могут быть и отдельные образы, и устойчивые формульные выражения. Входя в систему окультуренного пространства, дом влияет на эмоциональную стабильность человека. Символика окна позволяет раскрыть внутренние переживания лирического героя в контрасте с внешними реалиями. В этом случае скуповатая вербальная формула наделяется глубоким внутренним смыслом, аккумулируя в песне мощный эмоциональный потенциал. Эта тема, безусловно, требует продолжения с привлечением обширного песенного материала.



## ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1983. 191 с.
- Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов. Вып. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 192 с. (Удмуртский фольклор).
- Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 384 с. (Удмуртский фольклор).
- Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
- Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 356 с.
- Волкова Т. В.* Особенности восприятия дома в современной российской культуре // Вестник славянских культур. 2012. № XXVI (т. 4). С. 40–44.
- Гемуев И. Н.* Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1990. 232 с.
- Голева Т. Г.* Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2011. 272 с.
- Лавонен Н. А.* Функциональная роль порога в фольклоре и верованиях карел // У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1984. С.171–179.
- Максимов С. А.* *Љуж учыти но шуисько ке...*, или к символике соловья в удмуртской песенной культуре // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 10. Вып. 2. 2016. С. 58–72.
- Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1989. 168 с.

## REFERENCES

- Bajburin A. K.** *Zhilicshе v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan* [Residence in the rites and beliefs of Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd. Publ., 1983. 191 p. In Russian.
- Bojkova Je. B., Vladykina T. G.** *Pesni juzhnyh udmurtov* [Songs of Southern Udmurt]. Vyp. 1. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 1992. 192 p. (Udmurtskij fol'klor). In Russian.
- Vershinina Je. B., Vladykina T. G.** *Pesni juzhnyh udmurtov* [Songs of Southern Udmurt]. Vyp. 3. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 2014. 384 p. (Udmurtskij fol'klor). In Russian.
- Vladykin V. Ye.** *Religiozno-mifologicheskaja kartina mira udmurtov* [Religious and mythological world picture of Udmurt]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1994. 384 p. In Russian.
- Vladykina T. G.** *Udmurtskij fol'klor: problemy zhanrovoj evoljucii i sistematiki* [Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematization]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 1997. 356 p. In Russian.
- Volkova T. V.** *Osobennosti vosprijatija doma v sovremennoj rossijskoj kul'ture* [Features of perception of the house in modern Russian culture]. *Vestnik slavjanskih kul'tur* [Messenger of Slavic cultures], 2012, № XXVI (tom 4), pp. 40–44. In Russian.
- Gemujev I. N.** *Mirovozzrenije mansi: Dom i Kosmos* [Outlook of Mansi: House and Space]. Novosibirsk: Nauka. Sib otd. Publ., 1990. 232 p. In Russian.
- Goлева T. G.** *Mifologicheskije personazhi v sisteme mirovozzrenija komi-permjakov* [Mythological characters in system of outlook of Komi-Permyaks]. St. Petersburg: Mamatov Publ., 2011. 272 p. In Russian.



**Lavonen N. A.** *Funktsional'naja rol' poroga v fol'klore i verovanijah karel* [Functional role of a threshold in folklore and beliefs the Karelian]. *U etnograficheskikh istokov fol'klornykh sjuzhetov i obrazov* [At ethnographic sources of folklore plots and images]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd. Publ., 1984, pp.171–179. In Russian.

**Maksimov S. A.** *Chuzh uchypi no shuis'ko ke..., ili k simbolike solov'ja v udmurtskoj pesennoj kul'ture* [*Chuzh uchypi no shuis'ko ke..., or to symbolics of a nightingale in the Udmurt song culture*]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, no. 2, pp. 58–72. In Russian.

**Mal'tsev G. I.** *Traditsionnyie formuly russkoj narodnoj neobryadovoj liriki* [Traditional formulas of the Russian national non-ritual lyrics]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd. Publ., 1989. 168 p. In Russian.

Поступила в редакцию 7.02.2017

**I. V. Pchelovodova**

### **The Image of the House in Udmurt Lyrical Songs**

The article analyzes the semantics of the house and its “eye” to the outside world, i.e. the window. They exemplify binary opposition us/them which is typical of traditional culture. The house being a part of the domesticated space is associated with the person’s emotional stability. Leaving their home, people are deprived of protection and lose the sense of rootedness that is considered equivalent to a kind of death. In this regard in non-ritual lyrical songs the house is not only the equivalent of beauty, but it also expresses psychological stability.

The image of the window helps to reveal the persona’s inner feelings and experiences (across the “visible external” and “invisible inner”). It is clearly demonstrated in the set explicit expression “under the window/at the window”.

*Keywords:* Udmurt folklore, non-ritual songs, objective world, traditional formula, associative link, symbolism of home and window.

**Пчеловодова Ирина Вячеславовна,**

кандидат филологических наук, научный сотрудник,  
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН  
426004 Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, 4  
e-mail: orimush@mail.ru

**Pchelovodova Irina Vyacheslavovna,**

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,  
Udmurt Institute of History, Language and Literature  
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation  
e-mail: orimush@mail.ru